

И ВСЕ БЫЛИ ДОВОЛЬНЫ

Идём с Тимой по замерзающему городскому парку развлечений и отдыха. Ладони у внука тёплые даже без варежек. Он постоянно напевает песни. Порой, самые неожиданные. Например, «Катюшу». От начала до конца. Ему на днях исполнилось всего три года, но уже не всякий взрослый угонится за ним, подвижным, любящим шумные игры. К тому же не у всех есть музыкальный слух и цепкая память. И далеко не каждый умеет так улыбаться и смеяться, что у всех окружающих сразу поднимается настроение.

Ребёнок — это свободный человек, несмотря на нерасторжимую связь с родителями. Он дышит свободой, как воздухом. И делает, что хочет.

На вопрос: «Как жизнь?» внук отводит руки в стороны и отвечает: «Прекрасна!» По его весёлым глазам, удовольствию, с которым он совершает это движение, видно, что он точно понимает смысл и вопроса, и жеста, и утверждения. Ему и в самом деле хорошо.

Из светлой полосы на краю заставленного домами городского горизонта робко выглядывают солнечные лучи. Подошли к ещё не скованному льдом пруду. Покормили толпящихся здесь в ожидании подношений птиц. Утки осторожны — подплывают к корму, когда отходишь от берега. Воробьи пытаются схватить хлеб на лету. А голуби просто лезут под ноги, под руки. Тима не поспевал за движениями всех этих шустрых пернатых обитателей парка, но настойчиво кидал в воду кусочки и крошки от батона, пока пакет не опустел.

Чувствую себя одним из Тиминых корней, уже испытанных временем. Слава богу, у него полный набор бабушек и дедушек, есть и прабабушки, прадедушка. Чего не было у меня, знавшего одну только «бабулю», простую деревенскую женщину, запомнившуюся кротким характером и спокойным отношением как к жизни, так и к смерти.

Человеческие корни совсем не отвлечённое понятие. Они также ощутимы, как и корни деревьев. И чем они разветвлённее, крепче, тем крепче и мы в ураганной нашей жизни. Будем сгибаться до земли, но не сорвёмся, останемся на своём родном клочке. В отличие от деревьев, мы можем осмотреть свои корни, оценить их, призадуматься. Впрочем, как знать, может, на это по-своему способны и деревья.

Подошли с Тимой к большому развесистому дубу. Подал ему заранее приготовленные для белки очищенные от скорлупы грецкие орехи. Постучали по стволу. Белка тут же высунула с другой стороны свою весёлую мордочку, осторожно спустилась

вниз, ещё осторожнее взяла корм из рук затаившего дыхание Тимы и стрелой поднялась вверх.

Потом подошли к вёслам, набрали сухих гибких веток, и Тима стал махать ими, как саблей, ловко сбивая редкие жёлтые листья. По другому деду он, кстати, казачьей крови.

Вокруг аллей расставлены деревянные скульптуры зверушек. На «диком кабане» Тима с удовольствием посидел, болтая ногами.

На очереди у нас осмотр замерших в ожидании весны разнообразных детских аттракционов.

Вспомнилось, как летом, увидев Сёмку, глиняного кота, не в квартире, а восседающего на столе в садовой беседке, Тима не придал перемене значения. Он ехал в сад, чтобы пообщаться с живой Аськой. Она пришла, угостилась сушёной рыбкой и, в благодарность, разрешила с собой поиграть. И Тима поиграл с ней от души! Он её гладил, причём, по частям, видя равные достоинства и в голове, и в хвосте. Рвался её поцеловать. Попытался катать с ней грузовичок с песком, от чего она спряталась под настоящую машину. Но вскоре вышла, растянулась на травке, и все были довольны.

Незаметно за делами и разговорами обошли весь парк и направились к дому.

Уже перед самым выходом на катке неожиданно раздалась песня из мультфильма «Ну, заяц, погоди!» Тиму это удивило, и он тут же горячо поделился полученным впечатлением:

— Иду, иду и вдруг: «Снегурочка, где была?» — Я прямо опешил!

А я опешил от его слов.

Между тем погода поменялась — небо затянулось тучами, в воздухе появились снежинки, начало подмораживать. Проверил Тимину одежду — всё на месте, только варежки почти соскочили. Не беда, ладони у него всё равно тёплые.

ЗОЛОТОЙ БЛЕСК ФОРЕЛИ

По слухам, в речке Хмелёвке, протекающей недалеко от наших садов, когда-то водилась форель. Решили с сыном проверить.

Утро выдалось славным — тихо, солнышко. Мы прошли с километр-другой вверх по течению за посёлком Хмелёвским, никого не встретив. Но попадались тропинки, сбегающие к речке, перекинутые на другой берег хлипкие мостки.

Речка, летом похожая, скорее, на большой ручей, бодро бежала поймой, заросшей травой, кустарниками, огромными раскидистыми дубами и вязами. Говорят, что сто лет назад речку запруживали под водяные мельницы. В запрудах и разводили форель. Похоже, что так и было.

Мы продвигались зыбким берегом, перешагивая через коряги, обходя ямы с подсыхающей грязью, путаясь ногами в зарослях. Нас окружали гулкие птичьи голоса, монотонное жужжанье насекомых и волнующие запахи неизвестных нам цветов. А глаза невольно высматривали в бегущих волнах золотой блеск форели.

С утра было свежо, но вот уже накачивает горячее солнце. Спасаясь от жары, зашли под прохладный полог дубовых крон. Почувствовали себя в райском саду, который походил, скорее, на такую вот густонаселённую речную пойму, чем на современные ухоженные парки. Недаром же многие из нас любят заросшие сады с петляющими тропинками и высокой травой.

Повернув обратно, мы перешли дорогу из Саратова на Красный Текстильщик и всё той же спасительной густой поймой добрались до устья речки в старинном селе Хмелёвке. Устье оказалось широким, весной здесь, наверное, хозяйничает бурный поток. Пока же речка с небольшим шумом впадала в Волгу возле крутого обрыва.

Мы немного походили по пологому волжскому берегу, усеянному галькой. В спокойной воде отражались чистое синее небо, вдоль берега зеленели полосы камыша. Мирную картину довершали терпеливые фигуры рыбаков.

А что же форель? Кто знает, может, вернутся на тенистые берега Хмельёвки предприимчивые энергичные люди, запрудят её быструю воду и вновь заплещется в ней рыба с радужной чешуёй.

ЯБЛОНИ В БУРКИНО

Как же приятно зайти в гости к друзьям, коротающим лето в загородном саду. Неважно, что путь к нему лежит через поле длиной в четыре километра. И небо с утра хмурится, того и гляди заморосит. Дорога ровная. Вокруг разноцветье и разнотравье. Глаза радуют растущие вдоль обочины знакомцы — синий цикорий, нежно-розовый татарник, ярко-жёлтая пижма, шёлковые белёсые метёлки ковыля... И появившийся кружочек солнца среди облаков выглядит окошком в иной, но вряд ли лучший мир.

В конце пути дорога пошла в гору. Открывшаяся взгляду широкая долина и её склоны покрыты густыми грибными лесами вперемежку с дикими лугами. По ним ещё стелется утренний туман. Перешёл на другую сторону холма и увидел, наконец, Буркино. Внизу рассыпались разноцветными кубиками дома дачных посёлков. На улочках тихо. Поверх заборов свешиваются зреющие плоды.

Тем временем облачная пыль опять завесила солнце, где-то и погромыхивает. Но я уже у заветной калитки. Хозяйка с дочкой радушно её открывают.

— Как добрались?

— А вы как поживаете, сударыни?

По заведённому ритуалу, вначале последовал осмотр сада. У моих друзей он немного небрежен, не по линейке рассажен, как, впрочем, и все наши сады, но изобилен на удивление. Меня встретили целые поляны цветов с розами и рододендронами во главе. В ушах зашелестели тamarиск, гибискус, жёлтая лапчатка и другая для меня экзотика. Тут и там бросались в глаза земляничные, помидорные и овощные гряды. Мы долго блуждали среди вишен, слив, абрикосов, алычи, груш, орехов, виноградных шпалер, кустов смородины, крыжовника, барбариса, декоративной туи, можжевельника и даже черёмухи, сосен и берёз!

Но царствовали в этом привольном садовом мире всё же яблони. Без них любой сад выглядит пустоватым. Здесь они встречались на каждом шагу. У некоторых кроны уходили, казалось, в самое небо. Их необъятные ветви были щедро увешаны разноцветными плодами. В своих пышных зелёных нарядах эти яблони выглядели королевами. Перед ними хотелось снять шляпу и почтительно поприветствовать.

Обход сада, как принято, завершился в уютной беседке вольным разговором обо всём, что волнует душу и занимает мысли. Ах, эти нешумные доверительные застолья под звонкий птичий щебет и жужжание надоедливых ос, не мешающих, впрочем, наслаждаться общением с милыми тебе людьми. Как же скучна без них жизнь!

День между тем потихоньку катился сказочным клубком по запутанным садовым дорожкам. И вот уже мне предложено лёгкое складное кресло для отдыха. Подставил разгорячившееся лицо под свежий ветерок. Сады, как зелёные омуты, вбирают нас в себя. Мы с наслаждением погружаемся в них. Расслабляем натянутые жизненной гонкой нервы, оставив на время суету. Садовые деревья врачуют нас и дают верное направление. Ведь они свободнее людей, несмотря на корни-якоря. Они занимаются предначертанным делом, не отвлекаясь по сторонам и не подчиняясь чужим влияниям. Не впадают в депрессию, потому что довольствуются тем, что есть. И спокойно отсчитывают кольца годов.

С самого утра серые тучи безостановочно бежали с запада на восток за далёкую отсюда Волгу. Пару раз даже капнуло. Но к вечеру ветер стих, и небесная картина стала меняться на глазах. Облака забелели. Пробирается синий цвет, чаще проглядывает солнце. Пора и в обратный путь.

РЫБАЛКА ДИЛЕТАНТОВ

Господи, пять часов утра! Край неба только светлеет. Самый сладкий сон. А в тихом летнем саду он ещё слаще. Но Ванюшка быстро заводит машину, и мы рулим к недалёкому устью Хмелёвки. Опоздали! В густых камышах и вокруг них уже торчат удочки местных рыбаков.

Пока вытаскивали из багажника снасти и надувную лодку, подъехал джип с большим дюралевым катером на прицепе. Его идеальные носовые обводы устремлены, скорее, вверх, чем вперёд. Джип привычно развернулся. Съехал прямо в воду. Из него вышли два крепких мужика в высоких резиновых сапогах. Настоящие речные волки. Отцепили катер, ловко забралась в него. На малых оборотах прогрели мощную «Ямаху» и стрелой помчались к далёким островам.

Проверят сети. Не на удочку же «волки» ловят рыбу. И домой с богатым уловом. А, может, причалят к знакомому острову. Поставят палатку. Наберут сушняка. Не спеша разведут костёр. Затеют к вечеру уху. Вынут из прибрежного песка охлаждённую бутылочку. И за дружеской беседой под звёздами и свежим волжским ветерком проведут заветные часы жизни.

Накачав свой двухместный «Шкипер», направили его за нескончаемую полосу камыша. Утренняя прохлада быстро растворилась в лучах взошедшего солнца. Камышовая зелень стала нежнее, мягче. В глазах зарябило от водяных бликов. Поспешили забросить несколько «косынок», «бакланов» и небольшую всегда некстати путающуюся сеть. Побросали для порядка забученную с вечера прикормку из сухарей и жмыха.

Всё это оглядываясь, поскольку рыбоохрана на Волге не дремлет. Потом Ванюшка половил немного на удочку. Один раз сорвалась хорошая плотва. Немного поблеснил. Блёсны у него французские. Первый класс. Но щуки и судаки уже позавтракали. А я сидел на вёслах и разглядывал берег, с наслаждением вдыхая неповторимый запах волжской воды.

Казалось бы, берег как берег. Ну, высокий, обрывистый, древние отложения можно руками потрогать. Дело в другом. Всякий раз, когда смотришь с Волги на берег, чувствуешь себя немного первооткрывателем.

Чередующиеся земляные пласты выглядят безжизненными, миллионы лет назад исчерпавшими плодоносную силу. Но нет. Кое-где в них вцепилась трава. А внизу почти отвесной стены на границе с водой — пышное зелёное ожерелье из деревьев и кустарников.

А чего стоит вид разнообразных, порой причудливых построек прямо на кромке. Вот маленький дворец из красного кирпича, весь в башенках. А вот обычный дом, но с двумя широкими навесами по обе стороны. То ли для застолий, то ли для рыбацких затей. Похоже, владельцы и дворцов, и хижин смирились с мыслью о возможных оползнях, обвалах. Зато в их окна вливается постоянно меняющийся свет отражённого Волгой солнца. И круглый год рыбалка. Равнодушные к ней вряд ли поселятся в таком близком соседстве с большой водой, которая может быть и лихой, опасной.

То и дело встречаются сходки к Волге. В глаза бросилась винтовая железная лестенка с ажурными перильцами. А вот пошли укромные пляжики. На одном красуется маленькая синяя палатка. Воображение рисует в ней влюблённую парочку. Не будут

же рыбаки спать в такой час. Встречаются и замаскированные от недобрых взглядов лодочные стоянки.

Невольно забылся, пока не услышал: «Пап, чего ты в самые камыши правишь?» Против Ванюшка со своим хитроватым добрым прищуром в очередной раз заматывается спиннингом. А над головой солнце уже во всё небо. Вокруг спокойная волжская гладь. Её лёгкое колыхание убаюкивает, кажется, не только нас, но и острова, берега и «Шкипера», которого я привязал для устойчивости к камышам.

Вся жизнь в эти минуты сошлась на нашей лодке. Душе немного надо для радости. Достаточно приветливого родного взгляда, ласковой воды за бортом, смешного кваканья лягушек возле недалёкого берега и нескольких чаек, зигзагами носящихся над головой.

Как часто бывает в наших краях, погода резко изменилась. Вдруг подул сильный ветер. Волны стали накатывать всё выше, уже захлёстывая нас. «Шкипера» закачало. Куст камыша, к которому он привязан, вырвало с корнем.

Мы заторопились обратно, собирая по пути свои забросы. Улов? С десятков небольших плотвичек, краснопёрок и линьков. И два рака, залезших в «баклан» за рыбой. У них была потом своя история со счастливым возвращением в родную стихию.

ДЕГУСТАЦИЯ ВИНА В ДОМАШНЕЙ ОБСТАНОВКЕ

Кто-то ходит в баню накануне нового года. А мы с приятелем после Крещения Господня пробуем своё молодое красное сухое вино. Вот и в этот раз он приехал ко мне со своими образцами. Я приготовил свои. Устроились на просторной кухне за столом с соответствующей случаю закуской и полудюжиной больших стеклянных винных бокалов. Зимой в городской квартире чувствуешь себя в светлой и тёплой подводной лодке, плывущей в тёмном пространстве, где хозяйничают мороз и злой ветер.

По праву хозяина налил понемногу из всех представленных образцов.

Подождали, пока вино насытилось кислородом. Полюбовались на «винные ножки», нехотя стекающие вниз. Гранатового цвета вино на свету засверкало изысканным тёмно-вишнёвым оттенком. Вдохнули лёгкие фруктовые запахи, наконец, попробовали и с удовольствием ощутили горьковатый вкус созревающего вина.

И с градусами всё в норме — хмель мягко растворился в голове. И мысли помягчели. За столом стало ещё душевнее, доверчивее. Ведь вино и рождено для радости, а не для ссор и скандалов.

Моё вино приятель похвалил. Предположил, что добавка местного виноградного сорта Мукузани придаёт ему изюминку — ощущение «недоброта при переброте», то есть при реальной сброженности. Заметил, что наше вино из потапенковских сортов зреет быстрее. Мы обсудили достоинства Неретинского, Агатама, Прорыва и других виноградных шедевров с общим амурским корнем. Поговорили о виноградниках, потихоньку приобретающих зримые черты и в наших окрестностях.

Почти сразу в разговоре о вине и винограде зазвучали библейские мотивы. В седые непроглядные времена люди вкусили забродившего сока виноградных ягод и «проснулись», обретя сознание. И вся дальнейшая жизнь людей, по-нашему с приятелем глубокому убеждению, оказалась крепко связана с гроздью, отражающей расширяющуюся Вселенную.

После второй пробы нам немного взгрустнулось. ...Представилось, что когда-нибудь на опустевшей Земле останется последний куст винограда. И человек будет неотрывно смотреть на ветку с созревающими плодами. Они вместе покинут роскошную прежде планету. Не будет больше ни винограда, ни людей, потерявшихся без лозы жизни.

Удивительно, как любой разговор на русской кухне незаметно переходит в обсуждение вопросов мироустройства. И вот уже вокруг нас закружились слова о душе, энергетике человека...

— Всё на Земле и в Космосе взаимосвязано друг с другом, начиная с Большого взрыва и до окончания веков, — убеждал меня приятель. — Глобальное информационное поле предопределяет путь каждой пылинки.

— И наш с тобой путь к винограду тоже был предопределён?

— А ты сомневаешься?

В данном пункте я не сомневался — в какое-то мгновение высветилась вся жизнь, и я увидел, как судьба настойчиво вела меня в этом счастливом направлении. Да и другим приятельским доводам не возражал, хотя, на мой взгляд, многие тайны хороши именно своей недоступностью. И пусть сидят себе, как джины в бутылках.

Мы с приятелем спокойно наслаждались добрым вином, свободно говорили обо всём, что вздумается. Никто не заглядывал из-за спины, не подталкивал под локоть, и мы никому не были в тягость. Наши души стремились в полёт.

Между тем, дегустация продолжалась своим чередом. Обнаружилось, что у приятеля вино более терпкое, чем у меня. Отчего? Может, от того, что он не отделяет гребни при сбраживании. Может быть, от почвы — у него на Зелёном острове вокруг один песок. А у меня в саду за Хмельёвкой лёгкая земля и богатое фруктовое окружение. Но наше молодое вино было в порядке. Нам оно нравилось — вот что главное в оценке вина, впрочем, не только его.

Раньше всё никак не мог взять в толк, как же герои старинных романов утоляли вином жажду. Напротив, мне хотелось ещё больше пить. Попробовав своего терпкого душистого вина, понял — дело в том, что герои пили настоящее вино, а не сегодняшнее магазинное.

Вдруг захотелось уехать в Испанию, встретиться там с женщиной, говорящей на испанском языке с лёгким португальским акцентом. Вся жаркая Испания с её апельсиновыми рощами и звоном кастаньет, пусть выдуманная, но близкая и родная, встала перед нашими заблестевшими глазами. Для нас с приятелем она, как и другие средиземноморские страны, остаётся обетованной землёй сплошных виноградников и жизнерадостных виноделов, понимающих, что к чему в этом мире, и с которыми мы бы легко нашли общий язык.

Вспомнился фильм о виноградниках Лаво в Швейцарии, устроенных на склонах гор, сходящих в Женевское тёплое озеро. Кусты плодоносят здесь со времён Древнего Рима. В старину за спину привязывали высокие плоские корзины. Женщины нагружали их срезанными с веток гроздьями, а крепкие парни сносили вниз и высыпали, наклонив плечо, не отвязывая, прямо в давяльные чаны.

Представил себя таким вот неунывающим крепким парнем, перекидывающимся шутками с весёлыми сборщицами, с достоинством носящим свою наполненную плодами корзину. Чтобы вся жизнь прошла под чистым небом среди узорных листьев винограда.

Проводил приятеля до остановки на автобус. Зимний день клонился к вечеру. Под ногами пружинила земля, покрытая порошей. Мы ещё успели поговорить по дороге о том, что лучшее вино получается только из своего винограда, а если уж молиться, то вечности.

Хорошее красное сухое вино, подержав человека в своих ненавязчивых объятиях, так же легко отпускает его, возвращая в привычное состояние. Только душа становится чуточку нежнее. А мысли ещё какое-то время парят над обыденным строем вещей.

МАМИНЫ ПИРОГИ

Кто пробовал пироги моей мамы, тот на всю жизнь запомнил вкус тающего во рту хорошо пропечённого сдобного теста и всегда ароматной, в меру сочной начинки.

Казалось бы, не так и трудно испечь пирог. Рецептов хватает в любой кулинарной книге. Составные части, как правило, немудрёные. У мамы это были молоко, сахар, яйца, маргарин, растительное масло, дрожжи, соль, столовая ложка водки, ваниль на кончике ножа и мука. А начинка сгодится любая.

Вперёд, хозяйюшки!

Только вначале, по совету моей мамы, не забудьте вынуть на ночь из холодильника яйца и маргарин. И дрожжи проверьте на солонатовость. И тесто замесите не крутое, а мягкое, чтобы отставало от руки. И дырочку сделайте в центре, когда пирог ещё подходит на противне. А когда вытащите его из духовки, не забудьте накрыть чем-нибудь лёгким.

И ещё с десяток мелочей не забыть бы.

Но даже самое строгое следование рецепту не гарантирует удачи. И приготовленный опытным профессиональным кулинаром пирог не всегда становится украшением стола.

Мама рассказывала, что первые свои пироги она, не дожидаясь прихода со службы отца, выбросила в мусорную корзину. Но моя мама училась искусству выпечки, не жалея сил. Ей нравился сам процесс затевания пирогов. И очень хотелось порадовать близких людей.

Запомнилось её всегдашнее волнение, ведь любая мелочь могла свести на нет весь труд, начиная с бессонной ночи, поскольку приходилось вставать затемно, чтобы не упустить подходящее тесто. Она всегда оправдывалась перед гостями, мол, тесто не таким пышным оказалось, начинка немного подвела, надо было — вот не догадалась! — сделать по-другому, лучше.

Гости не очень-то прислушивались к этим сетованиям. Они просто наслаждались редким угощением.

Мы переезжали с места на место, следуя офицерской судьбе отца, менялись наши домашние очаги, но румяные маминны пироги по-прежнему оставались самым желанным лакомством. Они были для нас маленьким семейным чудом, живой сказкой. Как бы ни шли дела, душа согревалась от ожидания очередных праздничных пирогов. Хорошо бы с курагой! Но и с яблоками хорошо, и с капустой...

Мама постарела, пироги затевать ей уже не под силу. Сменщиков, увы, не оказалось. Мы с женой попробовали пару раз и забросили — образ жизни у нас иной, всё что-нибудь мешает.

Жаль.

СЕМЕНА ЖИЗНИ

Вышел из дачи в осенний сад. Ещё только половина восьмого вечера, а вокруг уже глухая ночь. Правда, наверху светло. Небо в ярких крупных звёздах. Большая Медведица венчает обрыв с северной стороны. Серп месяца застыл над южным горизонтом. Прямо над волжскими островами, на которых с утра опять загремят выстрелы охотников. Пока же слышен только отдалённый лай собак в посёлке и далёкий шум моторов на трассе. Да и они становятся всё глуше и глуше. Окружившую меня земную темноту подсвечивает лишь слабый свет из дачного окна. Он подчёркивает нахлынувшее ощущение нереальности происходящего. Родной ли сад вокруг меня засыпает? Или я лечу вместе с ним куда-то в необозримом мерцающем пространстве?

Очевидно, эти мысли наваял межпланетный зонд «Вояджер-1». Через 36 лет после старта он вышел, наконец, за пределы Солнечной системы. Известие взбудоражило.

Ведь это равносильно исходу наших прашуров из Африки. В конечном счёте, они освоили всю планету.

Находившись по тёмному тихому саду, отправился тоже спать. Ещё раз окинул высокое небо. Его от края до края пересёк Млечный Путь. Сколько раз видишь его за жизнь? Сотни, если не тысячи. И каждый раз вытянутые в белую кисею неисчислимы звёзды поражают своей яркостью, кажущейся близостью и загадочностью.

В детстве послали с приятелем в Академию наук несколько наивных вопросов о Вселенной. И, к нашей радости, получили на них ответы, в том числе о том, что она бесконечна. Но вот, оказывается, что бесконечна не Вселенная, а Вселенные, которые образуются всё новыми и новыми Большими взрывами.

Семена жизни носятся по рождающимся Вселенным, цепляясь, за что удастся. Но прорастают не везде. На нашей планете волей случая проросли и растут. Учёные предполагают, что будут расти ещё с миллиард лет. А потом? Да какое нам, живущим сейчас, до этого дело? Дело есть. Хотя бы потому, что знание по-прежнему — сила, а неизвестность притягивает так же, как и тысячи лет назад. И нам всё ещё безразлична судьба наших детей, внуков, правнуков и всех дальнейших потомков до скончания веков.

АХ, КРОКУСЫ..

В конце зимы, прихватывающей, как правило, и март, невольно затоскуешь от нескончаемых морозов и снегопадов. И тогда начинаешь всё чаще вспоминать о крокусах. Ждёшь встречи с ними.

И вот апрель. Утром покрапывало. Но потихоньку тучи разошлись. Голоса птиц оживляют ещё пустынные садовые окрестности. Глазами быстро ощупываешь знакомое место. И вот они, крокусы, выглядывают из чёрной влажной земли. Не подвели. Их ещё зелёные остренькие макушки осторожно осматриваются. Недалеко от них красуются пышными плотными листьями тюльпаны. И настойчивые нарциссы высипали кружком. Но первыми зацветут маленькие нежные крокусы.

Несмотря на свою малость, крокусы цветут ярко, открыто утверждая своё явление в мир. Это тоже трогает. Жаль, что долговжданное садовое чудо так быстро отцветает. Только что жёлтые и фиолетовые слегка озорные верхушки прямо из земли взмывали к солнцу. И вот они уже завяли, оставив вытянутые со светлой продольной полоской листочки, которые быстро затеряются в общей зелёной массе. В саду продолжает разворачиваться привычный порядок жизни. На смену неустойчивой весне спешит жаркое лето с другими прекрасными цветами.

Но взгляд ещё не раз скользнёт по заветному уголку земли. И прыткую тятку всякий раз останавливаешь, чтобы не поранить в земле драгоценные луковички. Через год они опять порадуют душу.

ПАХНЕТ ЯБЛОКАМИ

С веранды в открытую дверь доносится густой, слегка пряный запах зимних яблок. Выходишь и ещё раз окидываешь хозяйским взглядом доверху наполненные ящики и корзины. Да и пора намыть новых яблок. Быстро набираешь небольшую охапку, пальцами ощущая упругость гладкой прохладной кожицы, моешь и укладываешь горкой на тарелку посередине кухонного стола. Рука невольно тянется к самому крупному и яркому плоду. И вот уже наслаждаешься его плотной, сочной, сладко-кислой мякотью.

Яблочный клубок не спеша катится через всю жизнь. Часто вспоминается аромат маминых яблочных пирогов. Читаешь внукам сказки и вновь оказываешься в тени дикой яблоньки с её простыми яблочками, открывающими дорогу к незатейливому

счастью. А сколько дров наломаешь вокруг яблока Евы, прежде чем поймёшь, что и яблока-то не было, да и Ева у каждого своя.

Вспомнился недавний сбор урожая. Утреннее солнце согрело холодный ночной воздух. Он казался настоящим на лёгком медовом запахе свисающих со всех веток бордовых и красных с жёлтыми разводами плодов. Запахе столь же заветном, как и запах хлеба. Хотя яблоки всегда на вторых ролях. Они привычны. Над яблоней не дрожишь как над добытым с трудом саженцем югославского чернослива.

Но яблоки, как и хлеб, не приедаются. Им доверяешь как родным людям, которые не обманут, поддержат в беде.

Дождь, на улице холодно и неудобно. Худшие дни уходящего года. А на веранде по-прежнему пахнет яблоками.

ПУСТЬ ЗВУЧИТ ДУДУК

Когда хочется немного отдохнуть душой, включаю нежную мелодию дудука. И с первых звуков доверчиво погружаюсь в её грустный переливчатый поток. Отчего же так завораживают сердце живительные звуки старинной армянской трубки, которую и в руках-то не довелось держать?

Под мягкое звучание дудука вспоминаю о коротких встречах, случайных разговорах с армянами. В жизни таких встреч и разговоров было немало.

Ещё в солдатские годы узнал от сослуживцев-армян, что на их родине в народные праздники всей семьёй идут вначале на могилы русских воинов, спасших армян от турецкой резни в начале 20 века, и только потом идут к другим святыням.

А со студенческой газетной практики в далёкой степной Питерке запомнил добродушные сетования армянских строителей на то, что они всю жизнь работают на свадьбу и похороны — свадьба должна быть царской, а на могиле должен быть выстроен хотя бы скромный мавзолей.

Недалеко от моего дома среди разноцветных торговых ларьков стоит и будка сапожника. За открытым окошком — знакомое лицо ещё молодого, лет за тридцать, но уже грузноватого армянина, с утра до вечера колдующего над обувными колодками. Раз-другой в год сдаю ему в починку обувь. Работает он неторопливо. Но уж сделает на совесть. Однажды разговорился с ним об армянском хачкаре — вертикальном камне с высеченным на нём узорчатым изображением креста. Такой крест-камень красуется в одном из сквериков недалеко от саратовской набережной. После этого здороваемся, встречаясь и на улице.

На моей кухонной полке стоят два небольших кубка, искусно выточенных армянским мастером из оникса. Иногда наливаю в них коньяк, по возможности армянский, лучше которого для меня по-прежнему разве что французский.

И всё-таки не нахожу ответа, отчего так спокойно моей душе при негромких звуках этого незатейливого музыкального инструмента. Да и нужен ли ответ?

Пусть задерживает взгляды прохожих красавец-хачкар, приветливо открывается с утра окошко в мастерской знакомого сапожника-армянина. И пусть звучит печальный дудук, когда просит душа.

В СУХОЙ И ТЁПЛЫЙ ДЕНЬ

Ходишь вокруг виноградных кустов, уже тронутых желтизной, пробуешь в задумчивости ягоды. Кажется, уже достаточно сладкие. Пора! Завтра за дело! Но завтра с утра всходит ещё жаркое солнышко. Решаешь немного подождать. Пусть ягоды сахара наберут побольше, вино будет крепче. А к вечеру вдруг прогнозы переменялись, предвещают дожди. Да и ночами уже холодно по-осеннему. Ладно, завтра начну.

И так промучаешься в нерешительности неделю-другую.

Но вот решение принято. День сухой, тёплый. Берёшь секатор и начинаешь аккуратно срезать успевшие прогреться чёрные плотные гроздья. Одну за другой, не спеша, мурлыча себе под нос какую-нибудь незатейливую песенку. Испытываешь редкое состояние душевного спокойствия.

Собранный виноград с такой же тщательностью перебираешь, давишь и отправляешь в бродильные баки. Какое-то время напряжённо ждёшь, когда же придёт в движение вся эта разнородная масса. Наконец, в очередной заход в винодельню видишь, что сусло уже забродило, закипело, с ходу набирая силу. И на душе становится легче.

Несколько раз днём, в полночь и ранним утром заходишь мешать мезгу, погружая её большой деревянной ложкой в неукротимо бурлящую материю. Недели через две шапка начинает потихоньку опадать. Молодая винная вселенная, охлаждаясь и замедляя движение, переходит в более устойчивое состояние. Вскоре брожение останавливается. И несколько десятков литров домашнего красного сухого вина оказываются в погребе. Пусть спокойно дозревает, сколько отпущено судьбой.

А пока полкружки вина нового урожая! Конечно, оно ещё грубовато на вкус. Но в молодости все немного грубоваты. Поэтому в выдержке нуждаются и вино, и люди.

Дальше пойдёт сливание с осадка — в середине ноября, в марте, в начале лета... Каждый раз снимаешь пробу. И каждый раз замечаешь, как твоё вино неустойчиво взрослеет, увы, старея. Цвет становится гранатовым, винные ножки маслянистее, запах тонким, неопределённым в своём разнообразии, а вкус в меру терпким.

Доброе вино дарит человеку ощущение безмятежного блаженства. В такие минуты с особенной силой веришь, что красота и в самом деле спасёт мир. Жизнь устоялась, и пусть будет нам в радость.

КОЧЕВНИКИ ПОНЕВОЛЕ

В недостроенной и заброшенной даче недалеко от автобусной остановки поселилась семья таджиков. Парень, подросток, девушка в шароварах. Это кого я увидел. Вежливо поздоровались со мной. Парень с подростком выгоняли через дорогу в поле стадо коз на выпас. И немалое стадо, в несколько десятков голов. В дачном дворе уже и загон соорудили из палок и досок.

Представил себя в их положении — среди чужих людей, в постоянной заботе о пропитании и пристанище. Вряд ли был бы счастлив. А они спокойны, доброжелательны. Девушка, закрыв ворота, безмятежной походкой возвращалась в дачу. Может, лепёшки испечёт к завтраку? Парень с подростком направили стадо в ложбинку со свежей травой. Их неторопливые движения, искринки в глазах говорили о том, что

они довольны своим положением. Наконец они устроились как дома. Пусть и ненадолго. Сегодня — их день. Даст бог, и завтра день будет их.

Вскоре гаджики со своими козами и в самом деле уехали. И загон разобрали, увезли. Заброшенная дача по-прежнему зияет прорехами на втором этаже. Двор опять пуст и никому не нужен.

НЕОЖИДАННО ПОКАЗАЛСЯ ПРОСВЕТ

Утром раздался звонок:

— Пап, давай махнём за грибами!

— Давай!

И уже через час оказываемся в сосновом лесу.

Лес молодой, заметны расплывшиеся посадочные борозды. Но уже загустел, поднялся. На земле россыпи шишек, ноги путаются в высокой траве. Перебираясь с места на место, обхожу упавшие сухие ветки. С удовольствием вдыхаю острый запах мокрой хвои и нежный маслят. Они всюду, прямо под ногами. Вот уже перезревшие, проточенные червями. Сшибаю их зачем-то палкой. А вот молодые — с чистыми ножками и светло-коричневыми шляпками с прилипшими хвоинками. Этих аккуратно срезаю ножиком. Целое грибное поселение. Его жители хорошо приспособились к дождям, солнцу и долгому сну под снежным покровом. Не станем их обижать, наберём по ведёрку, чтобы полакомиться, и хватит.

Неожиданно показался просвет. Выхожу на поляну. Впереди лес уходит по склону пологого холма вниз, открывая взгляду божий мир.

В этом мире сквозь редяющие облака пробивается нежаркое осеннее солнце. Внизу лес как на ладони. Рядом с ним вьётся густая пойма Медведицы. Сквозь голые заросли деревьев и кустарников проблескивает вода. Видно, как за лесом пасутся на отаве коровы и лошадь пастуха. Дальше веером расходятся зелёные и чёрные поля. По краям, в низинах, теснятся почерневшие от времени скромные сельские постройки. Ещё дальше, за другими полями и лесами, чистый полукруг горизонта, край мира.

Подходит сын, и уже вместе не можем оторвать глаз от пасущихся коров, мокрой от прошедших накануне дождей пахоты, быстрой речки и манящего горизонта.

БУДАНОВА ГОРА

Едешь из Саратова в сторону Красного Текстильщика. Мимо проплывают старинные сёла. Сквозь обступившие дорогу посадки проглядывают яблоневые сады, поля и овраги. Иногда вдали покажется Волга с островками. И вдруг среди равнины возникает гора с плоской вершиной. Народная молва, как принято в наших краях, связывает название горы с разбойником Буданом, спрятавшим награбленные сокровища в её недрах. Многие их искали, но, как водится, не нашли. Гора манит к себе. Заезжаю на неё по пологому южному склону.

Может быть, Буданова гора была когда-то островерхой. Но проходивший мимо в весёлом настроении воин-великан, играя силушкой, смахнул мечом её верхушку. Прошло время. Срез затянулся разнотравьем. Ямы от ног великана, сплывшего, видно, победный танец на месте своего богатырского взмаха, укрылись кустарником, дикими яблонями и грушами.

Сверху видно и блестящую на солнце великую реку, и белые высотки Саратова, и рассыпанные тут и там пёстрые кубики сёл и дачных посёлков, и серый пояс железной дороги, и широкие зелёные долины, сбегаящие к той же Волге. Кажется, стоит раскинуть руки, и ветер унесёт тебя прямо к густым облакам. Оттуда, верно, увидишь сразу половину Земли.

Но постепенно нарастает чувство тревоги. Вокруг никого. Сильный ветер глушит звуки. Привычный мир, из которого только что приехал, начинает отстраняться от тебя, становится далёким, чужим. Какое ему дело до разгуливающих по одинокой горе на одной высоте с парящими птицами? И уже хочется вниз, где не сорвёшься, зазевавшись, с обрыва.

С дороги Буданова гора напоминает и заколдованную голову богатыря из пушкинской сказки. Дышит, живёт, но не может сдвинуться с места, храня в себе тайну своей и общей жизни.

У ПРИЛАВКА С СУШЁНЫМИ ФРУКТАМИ

Обычный прилавок в современном продуктовом павильоне с высокой стеклянной крышей. На узких полках разложены сухофрукты и пряности. Мимо проходят озабоченные хозяйки, не обращая особого внимания на выставленные лакомства. А у тебя разбегаются глаза.

Конечно, разноцветные цукаты из корок дыни и арбуза, чернослив с масляным отливом, сладчайший урюк, светло-серый загадочный инжир, россыпи изюма всех цветов и размеров, смеси сухофруктов из яблок, слив, груш и вишни тебе хорошо знакомы. Но твой личный вкусовой опыт растворяется у прилавка, над которым время, кажется, замерло. Библейская смоква, или инжир, финики, курага и их соседи по полкам тешат людей с глубокой древности. Верблюжьи караваны и парусники с просмоленными бортами без усталости перевозили из одного края света в другой тщательно упакованные тюки с плодами жизни. Правда, о них говорят куда меньше, чем о поднятых со дна моря античных амфорах и статуях. Они ведь не исчезали и остались такими же, как и в те давние времена.

От пряностей голова идёт уже кругом. Драгоценные стручки ванили, рогатый имбирь на все случаи жизни, бодрящая корица, ароматный кардамон, целительный чёрный тмин, глущая гвоздика, заветный шафран! Чудится в них, изысканных и дорогих, блеск сокровищ из сказочных пещер. Редкие в наших кухнях зира, пажитник, куркума и кунжут соседствуют с привычными красным перцем, анисом, кинзой, барбарисом, укропом, петрушкой, мятой и базиликом. И ещё с десятком-другим перетёртых в порошок и заманчиво пахнущих растений, помогающих блюдам раскрывать свои вкусовые богатства. Все они надёжно хранят память о летней огородной зелени.

С трудом отрываешься от созерцания волшебных полок. Кажется, веет от них лёгким ароматом плова и тонким запахом выпечки.

Наконец, встречаешься глазами с уже знакомым улыбающимся хозяином прилавка. Ему лет сорок. Невысокий, со смуглым круглым лицом и сам весь округлый, уютный. На голове его непрменная тибетейка. В праздничные дни он бережно держит в руках раскрытый Коран. Обходительный, уступчивый, желающий здоровья, от души благодарящий за покупку и с готовностью выходящий из-за прилавка, чтобы помочь уложить её в пакет. Он тоже напоминает торговца из восточных сказок. Для полного сходства ему не хватает разве что полосатого халата и платка вместо пояса.

- Салям алейкум, Зариф!
- Алейкум салям, дорогой! Что пожелаете?

ПАСЕЧНИК С ГОРЯЩИМИ ГЛАЗАМИ

В сельской глубинке на краю берёзовой рощи в окружении лугов и пашен раскинулась пасека ульев на семьдесят. На пасеке вас встретит высокий, ладно скороенный, ловкий в движениях сорокалетний красавец-мужчина. «Костя», — представится он.

И улыбаётся тепло, открыто, как улыбаются люди, знакомые, по крайней мере, со школьных лет.

Костя расскажет вам о жизни и смерти пчёл. Поймает трутня и объяснит его отличие от рабочей пчелы. Покажет и воскотопки собственного изобретения, и роёвни, закинутые до времени на деревья, и вырезанную на всякий случай дубину. Проводит к гнезду яблика рядом с пасекой. Угостит чаем, заваренным с чабрецом и зверобоем, тут же мимоходом сорванными. Предложит к чаю целое ведро медовых обрезков. Восседая с сияющими глазами возле шаткого столика из ящика и досок, он в довершение наглядно покажет и свою весеннюю прививку от пчелиных укусов. На лету поймает пчелу, кажется, специально к нему подлетевшую, приставит к тыльной стороне ладони, подержит немного и выдавит жало.

Костя легко переносит дожди, холода, комаров, одиночество и ночь непроглядную. Главное, чтобы утром солнце не подвело. Всего важнее для Кости и его пчёл проснуться пораньше и с ходу взяться за привычное, любимое дело, которое кормит семью, и с которым не собьёшься с дороги.

Рассказ хозяина пасеки вместе с близким незамолкающим гудением и мельтешением завораживают. И уже сам хозяин с его неутомимостью, приятно гудящим баритоном кажется вам большой доброй хозяйственной пчелой. А его выдававшая виды будка — ещё одним ульем, только тоже очень большим.

Будь его воля, Костя полетал бы со своими пчёлами. Ради удовольствия увидеть сверху блеск цветущих полей, почувствовать зов нектара, ощутить брюшком желанный атлас медоносов и вернуться домой, обременённым сладкой тяжёлой добычей. Может, подобное желание возникает и у лётчиков. Желание самому взмахнуть в небо, не в железной капсуле с приборами управления, а подобно птицам, свободным в своём полёте.

Внутри деловито жужжащего пчелиного мира не верится в его предрекаемую учёными гибель. Но если до этого дойдёт, то изумлённым взорам людей однажды предстанет летящий рой во главе с человеком. Это Костя поведёт пчёл в края, свободные от болезней, бескормицы и человеческой жадности. Они будут лететь, не останавливаясь, пока не доберутся до своего вечного медового пути.

ВИДЕНИЯ В ОСЕННЕМ САДУ

В поздний осенний день, ещё светлый, не слишком холодный, но уже пустынный, в саду, бывает, как наяву увидишь родных тебе людей, гулявших, хлопотавших здесь погожим летним временем.

То почудится, что Тима пробежал с палочкой в руке, что-то, как обычно, напевая. Куда он бежал? Наверное, к качелям за баней. Там, в тени яблонь, его ждут улыбающийся двоюродный братик Никитка с большим мячом в руках и добродушный шарпей Ричи, устроившийся на прохладной травке.

Собираешь упавшие недозрелые зимние яблоки и на автостоянке из щебня с проросшей травой вдруг представишь Ванюшку, неторопливо укладывающего в багажник рыболовные снасти.

Посмотришь в сторону холма, погрезится, что под дубом возится с жуками-оленьями «дядя Боря», приехавший погостить на недельку из далёкой Эстонии. В руках у него фотоаппарат с внушительным объективом.

Воображение разыгрывается. Стоило подойти к беседке, как показалась жена, несущая на большом подносе завтрак для меня. Невольно дёрнулся, чтобы помочь ей спуститься по крутым ступенькам террасы, но видение растаяло.

Зато беседка за спиной наполнилась голосами. Отчётливо донёсся добродушный со смешинкой голос свата, к нему добавились жизнерадостные интонации сватьи, тонкие, по сути, девчоночьи восклицания невесток и густой баритон Кирилла. Обернулся, но только виноградные подсохшие листья прошелестели под порывом ветра.

Вспомнилось, как украсил наши застолья в беседке старинный абхазский кувшин для вина, доставшийся от приятеля.

Где они, дни семейных сборов с приятными хлопотами, и дни разъездов, напоминающие иной раз итальянскую комедию с её суетой и неразберихой?

Давно растаял в зелёных окрестностях дым от мангала. И дым из банной трубы достиг, наверное, высоты, к которой он раз за разом настойчиво и бодро устремлялся.

В вечернем саду тихо. Доносится только слабое стрекотание редких осенних сверчков.

КАК РОЖДАЕТСЯ СТРАСТЬ

Друг пригласил на первую выставку своих фотографий. Правда, живёт он в Эстонии, но доберёшься. Но весь его путь к выставке у меня как на ладони.

Вот случай, когда с детских лет возникший интерес к птицам, животным, населявшим лесные заросли вокруг села, в которое он приезжал к родне на летние каникулы, постепенно перешёл в жажду познания окружающего мира, перешедшую, наконец, в неистребимое желание запечатлеть потаённую жизнь его обитателей. Все увлечения моего друга, а их было немало, вели его в этом направлении. И спортивное ориентирование, и увлечение поделками из дерева, и тем более захватившая его на многие годы охота — всё это было лишь подготовкой, оттачиванием глазомера, приобретением необходимых навыков.

Как рождается страсть к творчеству?

Сдаётся, что она рождается вместе с нами, но дремлет где-то внутри нас до поры, пока счастливый случай не разбудит её и не выпустит на волю.

Не знаю точно, когда мой друг взглянул на белый свет новыми глазами. Но помню, что в очередной приезд в наш сад он вытащил из дорожного рюкзака скромный цифровой фотоаппарат, подошёл к цветущей монарде и стал не спеша снимать пчёлку, хлопотливо собирающую нектар. Постепенно техника усложнялась. Росло и умение поймать особенный поворот головы какой-нибудь пичужки, передающий нечто общее для всех живых существ.

Приезжая в гости, мой друг обвешивается фотоаппаратурой и по-охотничьи мягко скрывается в дачных окрестностях. Он отправляется «сохотить» жука-оленья, которые не водятся на его второй родине, или удода с гордым и умным взглядом, водяную змейку, осторожно приподнявшую над водой точёную головку.

Что заставляет человека стоять по колено в холодной быстрой реке и целый час снимать ящерицу, греющуюся на прибрежной коряге? Распластавшись прямо на земле под палящим солнцем, ловить и ловить объективом бабочек, летающих на соль? Сидеть днями напролёт в болоте в тяжёлой непромокаемой одежде с москитной сеткой на лице, чтобы запечатлеть камышовку над её гнездом или цаплю, расправляющую крылья перед взлётом?

Однозначно не ответишь. Но проснувшаяся творческая страсть уже не даст человеку заснуть.

Представил развешенные по стенам небольшого краеведческого музея фотографии своего друга. На них — портреты обитателей лесов, болот и лугов. К ним подходят жители городка. Они улыбаются, открывая для себя новое в привычных и незатейливых сюжетах из жизни свиристелей, филинов, лосей и зайцев.

ПОСЛЕДНИЕ ВОЛХВЫ

Опять поспорили с Яшшой из-за рукописи в литературный альманах. Хотя, казалось бы, чего спорить? До него и дела-то никому нет, за исключением нескольких таких же, как и мы, чудаков.

Но, с другой стороны, чудачки на многое способны. Того же Яшши, обрусевшего осколочка удинов, исчезающих с лица Земли, могло и не состояться как писателя. Но он наперекор всему состоялся. И теперь память о горестях и радостях кавказского народа, принявшего христианство ещё в четвёртом веке, будет жить и в его книгах.

Зародилось в душах нескольких пишущих чудаков желание собрать под одну обложку авторов, уважающих каждое своё слово и подмечающих вокруг себя в первую очередь блеск солнца, дыхание растений, голоса птиц и человеческую любовь. И вот мы с Яшшой колдуем над очередным номером альманаха, чтобы не задуло ветром равнодушия его чистый огонёк, раздвинуло тьму хотя бы вокруг нас.

Тираж альманаха невелик.

Немногочисленны и его читатели.

Мы как последние волхвы, покинутые паствой ради других богов. Но мы ещё живы и по-прежнему одухотворённо смотрим на окружающий нас мир. И всё также хотим передавать людям свои тайные знания. Мы почему-то уверены, что они им пригодятся.

Когда-то считалось, что книги в старости остаются единственными друзьями, когда уходят живые. Люди искали покоя и находили его, опять же, с книгой.

Вернутся ли эти времена, и что будет дальше?

ТЯГА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Отправляясь с сыном на рыбалку, за грибами или на Буданову гору полюбоваться сбегаящими к Волге зелёными долинами, осматриваем по пути сёла, усадьбы, отдельные дома, живописные лужайки, берега небольших рек и прудов. Мы ищем место для своего земного рая, присматриваясь к чужим.

Проезжая за селом Багаевкой мимо будущего яблоневого сада в несколько гектаров, остановились, вышли, осмотрелись. Из борозд с аккуратно уложенными трубами капельного полива бодро выглядывали саженцы разных сортов и возрастов. Недалеко отблескивал пруд, из которого подаётся вода. Рядом с ним — небольшая сторожка. Жаль, не оказалось хозяина. Поговорили бы о багаевских садах, переживающих не лучшие времена, но вот же, на глазах, возрождающихся.

Рыбачка, покачивались в надувной лодке на спокойных волжских волнах. Послышались громкие мужские голоса. Недалеко от берега худощавый парень затаскивал сеть на «Казанку». Сверху, с обрыва, прямо от дома пожилой мужчина что-то ему подсказывал. Парень выплыл потихоньку из камышовой просеки, включил «Ямаху» и понёсся по прямой к островам. Через полчаса, поставив сети, вернулся. Вёл катер твёрдой рукой, спокойно глядел вперёд, свободный, как ветер, в два счёта нагнавший уже нешуточные волны.

Оказавшись на пасеке, затерянной в полях и лесах, зачарованно слушали рассказ пасечника о его солнечном медовом мире, с которым он давно уже сросся, став его нерасторжимой частью.

Жарким летом наслаждались виноградной прохладой на большом волжском острове. Густые шпалеры уходили во все стороны и вверх, устремляясь к небу. Хозяин сказал, что засаживает ещё участок на тридцать соток. Для этого пришлось перевезти на песчаный остров и перетаскать на место сотню мешков с плодородной землёй. Но, видно, ему и всего острова мало. Глаза виноградаря светились мечтой о виноградном рае на всей великой русской равнине.

Нет, мы не прикованы к своим городам и квартирам.

Близкие не слишком поощряют наши поиски, мол, есть же дача. Русские дачи... Даже цветущую и плодоносящую часть года они остаются безлюдными, лишь в выходные и праздники вскипают голосами и суетой. Вокруг сплошные садовые заросли. Нет разбега для взгляда. А долгими зимами здесь царит безмолвие.

В нашем земном раю должна бежать река, шуметь лес и дух должно захватывать от далёкого чистого горизонта. И без добрых соседей, конечно, не обойтись. В таком месте стоит построить дом своей мечты, разбить большой сад и зажечь, наконец, наслаждаясь дарованной жизнью в полную силу, без лишних помех, в общении с дорогими тебе людьми.

И мы опять колесим с сыном по окрестностям. Над склоном холма недалеко от дороги кружит коршун, по обочине вышагивают галки, проплывают мимо сжатые поля и сельский пруд с крякающими утками. Начинается ещё по-летнему крупный дождь. Но август клонится к осени.

Ведёт нас вперёд нескончаемая душевная тяга. Есть в ней что-то от кочевой страсти к перемене мест, но тяга эта гораздо глубже. Её суть не в желании поменять одно место на другое, лучшее, а в стремлении найти своё.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛИСТКА

Листок яблони появляется из весенней почки, подобно младенцу из материнского лона. И вынашивается он почкой столь же долгий срок. Листок появляется на свет нежно-зелёным, липким, пахучим и остаётся преданным яблоне до конца своих дней. Он жадно вбирает в себя идущие из земли соки и льющийся сверху солнечный поток. И неудержимо растёт, набираясь сил для предстоящего ежедневного труда. В этом он больше похож на прежних деревенских ребяташек. Они недолго играли в куклы и салки, быстро впрягались в общий семейный воз.

Большому тёмно-зелёному листку яблони, требующие питания, свежего воздуха и солнечных лучей. И листок трепещет, носится с веткой по ветру, глотает пыль, оmyвается дождями, терпит острые птичьи коготки.

Случаются у него и тихие часы отдыха, когда воздух замирает, погружая всю садовую округу в состояние райского блаженства. Тогда он счастлив и радуется, как может радоваться только уставший листок.

Между тем плоды налились, начинают желтеть и краснеть. Подходит, наконец, пора их сбора. На изработавшемся листке проступают

коричневые пятна. Он уже не так упруг, скорее, жестковат и хрупок. Наступает осень и его жизни.

Ему есть о чём вспомнить. А многих его братьев и сестёр давно нет рядом. Кого-то съели гусеницы,

других унесло июльским штормовым ветром, кто-то оказался на ветке, мешавшей садовнику.

Солнечные лучи греют слабее, ночной холод ощутимее. Зябко листку, он чувствует свою бесполезность. Рядом с ним выросли и заматерели новые почки. Плодов уже нет, а новым почкам, бережно вынашивающим будущие листья, он не нужен.

Но листок, как и человек, не уходит из жизни по собственному желанию. Для этого требуется сильный порыв ветра, долгий осенний дождь или ударивший ночью мороз. И тогда листок отрывается от ветки и падает вниз.

Как и люди, он просто падает на землю там, где его застала смерть. Он не летает, кружась, подобно киношным героям, успевающим перед падением совершить несколько картинных телодвижений. И если его подхватит ветерком, что ж, пусть люди полюбуются его кружением. Листку всё равно.

Взял такой листок, занесённый в угол террасы, в руки. Коричнево-палевый, сохранивший свою форму, но уже наполовину просвечивающий от ветхости. Похожий на все остальные листья, покрывшие землю в ноябрьском саду.

ДАЛЁКИХ МОЛНИЙ НЕ БЫВАЕТ

В саду с утра шелестит дождь. Неожиданно со стороны Волги блеснула молния. И сразу, без обычной задержки, раздался оглушительный удар грома. И вновь мерный шум дождя, будто ничего и не было.

Накануне разговорился на автомойке с владельцем дорогой иномарки — хорошо одетым, подтянутым и ухоженным мужчиной лет шестидесяти. Разговор после короткого обмена информацией о растущих ценах на бензин и машины свернул в неожиданную сторону — мы заговорили о превратностях человеческих судеб. И мой случайный собеседник, назвавшийся Анатолием, рассказал историю своей семьи.

— Мои корни в Большой Казачке, что за Калининском, бывшей Баландой. Семья была бедняцкая, перебивались с хлеба на квас. По семейным преданиям, дед, когда дети выросли, собрал всех и сказал: «Расходимся на два года зарабатывать, потом сойдёмся, сложимся и заживём, как следует». Сыновья нанялись работниками к богачам, сам дед стал пасти свиней, некоторые из женщин христарадничали. Через два года сложили заработанное и сразу встали на ноги — купили землю, скотину, плуги, бороны и другие необходимые в хозяйстве вещи. Но вскоре грянули революция, гражданская война, а за ними и коллективизация. Вступить в колхоз дед наотрез отказался: «Столько горбатились всей семьёй, а теперь отдавать нажитое чужому дяде?» Его с ещё одним отказником отвезли в кутузку возле Лысых Гор, километров за сорок от дома. Посадили, как говорится, на воду и солому, чтобы взять на измор. Но они не соглашались, сидели, пока помирать не стали. Тогда их отпустили. Как раз перед посевной. Дед идти уже не мог, попросил молодого сокамерника помочь, мол, потом родня расплатится. Тот тащил, пока хватало сил. Но тоже ослаб. Еле добрался до села, передал родным деда, где его искать. За ним поехали, нашли на обочине с выклеванными вороньём глазами. Но живого. Так он слепым и доживал. А младший сын его, мой отец, во время войны попал в плен. Выжил, можно сказать, чудом. На родине отца ещё на три года в лагерь отправили. Правда, ему повезло — строил метро в Москве.

Закончив рассказ, Анатолий пожал мне руку, и мы разъехались каждый в свою сторону.

А услышанное всё не отпускает. Из головы не шла дорога между Лысыми Горами и Большой Казачкой, хорошо знакомая и мне. Она и сейчас не везде обсажена деревьями. По обе стороны одни поля, пересыхающие летом русла ручьёв, овраги, где-то за ними крыши редких сёл. Пустынный и в наши дни край.

Неизвестно, где был оставлен дед Анатолия. Примерно на полпути дорога выводит на вершину высокого холма. С него он мог бы увидеть Баланду, от которой рукой подать и до Большой Казачки. Но, скорее, он остался лежать ближе к Лысым Горам. Вряд ли обессиленный односельчанин смог его далеко протаскать. Самому бы спастись.

Наверное, поначалу, ещё недавно крепкий мужик, привыкший пахать от зари до зари, пытался как-то двигаться вперёд, хоть на карачках, ползком. Но где-то за полдень, когда и весеннее солнце припекает, силы могли его оставить. Тогда он упал на спину или перевернулся на неё, бессознательно стремясь к свету.

Представилось, как дед Анатолия беспомощно лежал, раскинув руки, на покрытой свежей травой обочине. Рядом жужжала одинокая пчела. В небе заливался жаворонок. Ветерок доносил с полей запах влажной земли.

О чём ему думалось?

Может, он звал жену, детей? Вспоминал свою большую деревенскую родню? Может, вся жизнь промелькнула перед ним в одно мгновение? Или ему припомнился запах расцветающей сирени возле лавочки за забором, жар домашней бани с запахом дубового веника, до которых он был большим охотником?

Вряд ли он услышал хлопанье птичьих крыльев, только пронзила его последняя перед забытьём боль от острого клюва, заглушившая приближающийся лошадиный топот и скрип крестьянской телеги со стоящими на ней сыновьями, напряжённо оглядывающих окрестности.

СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО

С недавних пор в зале висит в стеклянной рамке на почётном месте семейное древо. Выглядит как живое, растущее на лужайке. Рядом с ним нарисована скамейка. По задумке, очевидно, на неё можно «присесть» и посмотреть на фотографии родственников, которыми увешаны густые ветви. Поразмышлять. Но проходит день, другой, много времени проходит, а всё что-то мешает остановиться, зацепиться взглядом за древо.

В моём роду не было героев. Был дядя Михаил, старший брат отца, вымахавший под два метра. Когда уходил из родной деревни на службу в армии, мать сокрушалась, что ему не подберут сапоги 45 размера. Сапоги ему, связисту, подобрали. Осенью 1941 года под Ржевом отправился он устранять обрыв провода и не вернулся.

Мой отец, попавший в последний военный призыв, напротив, не дотягивал до необходимых норм ни по росту, ни по весу. Сказались голодные военные годы. На сетования матери военком ответил, что, мол, пока эшелон доберётся до места назначения, твой сын подрастёт. Так оно, собственно, и вышло. Отца направили в кавалерийскую школу. На казённых харчах он добрал и в росте, и в весе, и 16 лет защищал государственную границу, уволившись в запас с должности начальника пограничной заставы.

Давно замечено, что в жизни хватает и радости, и печали. Например, дед жены Тимофей Онисимович Макушов окончил сельскую церковно-приходскую школу с мечтой о профессии учителя. Но пришлось, как и его отцу, сапожничать. Шил обувь приказчикам, купцам, которые говорили, что, мол, с твоей головой, Тимофей, тебе бы не за колодками сидеть. Зимой сапожничал, а летом брал в аренду землю, нанимал работниц, сажал огурцы, возами возил продавать. Накопил денег, которые после революции обесценились и ещё долго лежали на чердаке бесполезными бумажными пачками. Однажды в мае он шёл с огородов домой и попал под дождь.

Подхватил воспаление лёгких. Проболе́л два года и умер, оставив жену с пятью дочерями и сыном.

Досталось старшему поколению — и воевали, и работали, не жалея ни сил, ни здоровья. Старались выучить детей и отправить их в города, чтобы легче им жилось.

Нашим детям уезжать из деревни в города уже не надо, они в них выросли. Если только в заграничные. Да что-то их не тянет. Мечтают вернуться на землю, жить своим домом, хозяйством, подальше от городской суеты. Такое вот вращение человеческих стремлений и надежд.

Выходит, зацепился всё же взглядом за семейное древо, пустился в размышления. Подошёл к отвечающей на свету рамке. С зелёных ветвей на меня смотрят десятки глаз. Вон и мои. Они улыбаются. И я невольно улыбнулся в ответ.

УМЫЛ РУКИ

В начале весны в сад заглянула небольшая ладная серая кошечка. Побродила между кустов смородины с зазеленевшими почками, делая вид, что охотится. Но, не дождавшись моего угощения, замыкала, стала тереться о ногу.

В другой раз она припоздала и только облизнулась, с досадой глядя на мой уход.

Наступило сытое привольное лето. Заметно прибавилось дачников, всегда готовых угостить от своих щедрот и прохожего, и кошку, неважно чью. Среди белых, рыжих, чёрных и прочих хвостатых и пушистых, шныряющих вокруг, несколько раз показывалась и серая кошечка.

Однажды я услышал призывное мяуканье возле крыльца. Вышел из дачи и увидел её со встревоженным, напряжённым взглядом.

Я не приваживаю кошек, тем более уличных, мало ли что. Внукам для игр хватает и соседской Аськи, на редкость спокойной трёхцветной красавицы. Поэтому не стал церемониться с незваной гостьей, выпроводил за ворота. Она всё так же настойчиво мяукала и за воротами, заглядывая мне в глаза. И ещё долго мяукала уже после моего возвращения во двор.

Серая кошечка явно нуждалась в помощи. И, едва смолкло зовущее мяуканье, как я стал искать себе оправдания, приговаривая, что безответственно приручать тех, за кого мы не сможем потом отвечать. Только ведь серая кошечка не набивалась в хлебницы. Она всего лишь просила помочь. Скорее всего, в помощи нуждались её народившиеся котятки. Да и прогнал я её, чего уж там, просто потому, что не захотел лишних хлопот.

Этим летом серую кошечку я больше не видел.

В МОНАСТЫРСКОМ

Довелось заехать в село Монастырское, родину известного советского писателя Михаила Алексева. Первый же встречный на вопрос, а где здесь дом Алексева, ответил: «Да я в нём живу».

Бывший дом героя труда и лауреата многих премий и наград со всех сторон окружён густыми рядами картофеля. В большом кирпичном квадратном здании, выделяющемся среди обычных деревянных домов, когда-то было одиннадцать окон. Половина их заделана. Хозяйка объяснила: «Он стихи писал, ему света больше надо было, а нам к чему столько окон?»

До этого в доме, уже после Алексева, жил председатель местного колхоза имени Горького. Литературному классику посередине площади поставлен памятник — молодой Горький с книгой в руке, с развевающимися волосами, стройный, высокий бодро смотрит вдаль и, одновременно, на дом Алексева.

А вокруг пустой в ухабах площади деревенское безлюдье, серые, незавидные постройки. Село доживающее. Уже закрыта школа, а с ней и школьный музей с алексеевскими экспонатами.

Не знаю, где писал Алексеев своих «Драчунов», но трагедия голодомора, о которой он рассказал на страницах романа, разворачивалась вот на этих пыльных улицах, окрепнувших было и захиревших уже при продовольственном изобилии.

На этой изъезженной, истоптанной земле страдала верная Журавушка, здесь тянула свой тяжёлый воз старая, ленивая, но надёжная кормилица Карюха, где-то должен быть и Вишнёвый омут в протекающей рядом речке. Может, смотрелись в него, волнуясь от влекущей тайны, и эти две девчушки, спокойно, весело переговариваясь, прошедшие по своим делам за околицу.

Я не нашёл алексеевского «гнёзда». В его доме, о котором писатель при жизни тепло вспоминал, живут случайные люди. Канул в лету и окружавший его, казалось, на века колхозный мир.

Но заросли деревьев вокруг села по-прежнему густы и зелены. На песчаной речной отмели привычно играют дети. Далеко вокруг раскинулись поля новых хозяев сельской жизни с колосящейся пшеницей, кормовыми травами и подсолнухами. Они весело смотрели после прошедших дождей в чистое голубое небо.

СМЕРТЬ ПЕГАСА

В далёкие советские времена моего отца, офицера-пограничника, перевели служить на заставу, стоявшую на украинском берегу Западного Буга. Застава была обособленным миром. Но он сообщался, например, с миром колхозным. Колхозникам разрешали косить густую высокую траву в заливных лугах нейтральной зоны. Взамен они снабжали пограничников мясом, салом.

Однажды на заставу привели списанную колхозную лошадь по кличке Пегас. Он был весь в рыжих и коричневых пятнах. И был очень худ. Одни кости да кожа. Мне объяснили, что его откормят и пустят служебным овчаркам на мясо.

Несколько раз в день я выпрашивал у матери и приносил в летнюю конюшню хлеб и сахар. Пегас аккуратно брал их с моей ладони нежными трепетными губами, встряхивал головой, с одобрением, как мне казалось, поглядывал на меня. Поначалу я с опаской посматривал на его огромные жёлтые зубы. Но вскоре привык. К строевым коням подходить запрещалось. А возле него можно было постоять, дотянуться и погладить ладонью его бархатную щёку.

Он был обычной рабочей конягой, тихой и нетребовательной, привыкшей к ежедневному хому. Но постепенно взгляд его веселел, бока округлялись. Во время учений на границу отправилась большая группа солдат. Лошадей не хватило, и оседлали Пегаса. Возвращаясь, устроили соревнование — кто быстрее доскачет до ворот. Отъевшийся Пегас обогнал пограничных лошадей. Я радовался за него, во мне зародилась надежда, что, может, его оставят, и он будет служить как все.

Выйдя как-то утром на хозяйственный двор, я увидел солдата с понуро стоявшим возле него Пегасом. Одной рукой солдат придерживал его за поводья, в другой держал пистолет. Потом приставил дуло к замершему лошадиному уху. Пегас не дёрнулся, не вскинул голову. Он всё также понуро стоял, поджав ногу. Прозвучал негромкий хлопок. Когда я подошёл, Пегас уже лежал на боку, подмяв под себя редкую сухую осеннюю траву и вытянув голову с застывшими равнодушными глазами. Во двор заходили ещё солдаты, чтобы разделать тушу.

Над сосновым лесом за полем всходило, как всегда, солнце. За забором, возле жилого корпуса заставы слышались командные голоса. Всё вокруг было обыденно,

спокойно. Только вороны кричали громче обычного, видимо, возбуждённые скорой поживой.

На заставе все хозяйственные дела совершались открыто. В свои шесть лет я уже видел, как отрубали топором головы успокоившимся курам, вбивали штык-нож в горло визжавшей свинье. Поэтому не заплакал при виде поверженного Пегаса. Развернулся и побрёл домой. Но меня смущали новые, горькие чувства. Ведь куры и прочая живность для солдатской кухни были мне чужими, как пойманная в Буге снулая рыба или дерущиеся из-за хлебных крошек воробьи. Я не относился к ним по-товарищески. А о Пегасе заботился и всем сердцем желал ему лучшей доли. В его убийстве была жизненная необходимость, оправданность. Я понимал это, несмотря на свои малые годы. Но была в его смерти и явная для меня несправедливость, нечестность по отношению к простому коню, который стал скакать быстрее строевых.

Мне было жалко Пегаса. Мне его и сейчас жалко. Руку солдата, приставленную к уху обречённо стоявшего коня, и хлопок пистолетный помню, как будто это случилось вчера.

ДЕД, СМОТРИ!

Выспавшийся Никитка сидит в ожидании завтрака в беседке, карябает сандалией мою ногу под столом и говорит, что «это чужая соседка».

Возле абрикоса спит в траве ёжик. Притомился на ночной охоте и уснул — зачем топтать далеко? Трясогузка качается на ветке Джонатана и одним глазком посматривает на гнездо под застрехой бани, а другим на нас с Никиткой, устроившихся рядом на качалке.

«Дед, смотри!» — Никитка восторженно показывает на дым из банной трубы, постепенно заволакивающий задний двор. В другой раз он зовёт меня посмотреть на высоко летящий самолёт, на закачавшиеся под налетевшим ветром ветки дубов, на переползающую садовую дорожку чёрного жука...

Никитке только что исполнилось три года. Он в маму ладный, стройный, с волосами рыжеватого-пепельного отлива и карими глазами, полными озорного любопытства.

Бегает по просторному саду, заговаривает с соседями, его голосок повсюду разносится колокольчиком. Вот он подошёл к черешне возле винодельни, обхватил ствол ручонками и попытался потрясти. А вот играет солнечным днём на лужайке за баней в мяч и просится к маме. Хотя ему в саду хорошо, вольно, хватает новых впечатлений.

Весь вечер косил траву. Умаялся. И Никитка устал, поливая из ведёрка площадку перед дачей. Лёг животом на лавку в беседке и затих. Вместе отдыхаем после рабочего дня в ожидании чая с мятой.

Гуляли уже в сумерках по нижним дачам. В тополиных зарослях раздалось чёткое звонкое щёлканье соловья. Никитка замер, обратившись к незнакомым ему волшебным звукам, потом, испугавшись непонятного света за забором (оказывается, шли девчата с фонариком), закрыл глаза ладонью.

И самый долгий день спрятался в самую короткую ночь.

Когда трёхлетний внук ходит за тобой хвостом («Дед, я тебя не вижу — ты так хорошо прячешься!»), стремится во всём помочь (лестницу приставил к яблоне, он тут как тут: «Я её держать буду!»), зовёт тебя «дружочек мой» — разве ему в ласке откажешь? Вот его нет рядом, а постоянно вспоминаешь о нём, думаешь, чем он занят, чувствуешь невольную вину за то, что сам ты ещё в чудесном свежем саду, а он уже в большом пыльном городе.

Выключил в предбаннике свет, открыл дверь в темноту, чтобы освежиться, и увидел в дверном проёме звёздный ковш во всей его завораживающей яркости. Укрыл

бёдра полотенцем, вышел в прохладный тёмный сад — только кое-где сквозь листву пробиваются пятна света. Вокруг сплошное умиротворяющее сверчение.

СЛАВНОЕ БОРДО

Жизнь — материя вязкая, далеко не всегда удаётся отвлечься от ежедневных хлопот, чтобы оглядеться, задуматься не только о хлебе насущном. И уж тем более написать книгу о своём жизненном пути с трудами, заботами и любовью, осветившей и укрепившей его.

И вот такая книга у меня в руках. Я в гостях у её автора, много послужившего, видевшего и испытывавшего. Ему за 80, он статен, черты его лица правильны, благородны, годы только смягчили их.

Мы сидим за столом, накрытым белой скатертью. Белым чехлом накрыто и моё кресло «для почётных гостей». Хозяин угощает меня тушёной сёмгой и Бордо.

А на Волге уже начал таять лёд.

И Бордо — славное!

Хозяин ходит по своей большой опустевшей после смерти жены квартире, рассказывает, спрашивает, подсаживается к столу и всё читает, читает из своей книги то, что ему очень хочется обратить моё внимание. Читает чистым, хорошо поставленным голосом, а по его щеке то и дело скатывается одинокая слеза. Он извиняется, смахивает её, и опять читает, и новая слеза наворачивается.

Что поделаешь?

Душа не может всё время взмывать вверх. Ей тоже нужны передышки. И она снижается, вводя человека в уныние. Но потом, отдохнувши, опять дарит ему надежду, вновь тянет его вверх, к свету.

Говорят, что человеку нужно многое, весь мир. Но достаточно и малого. Скромного сада на высоком волжском берегу и островка напротив, над которым развеян дорогой прах, как было завещано. Ведь в этом тихом, родном уголке необъятной Земли прошли лучшие дни твоей и её жизни.

А Бордо и в самом деле славное!

Наш разговор прерывает звонок сына с Ямала.

Хозяин показывает фотографию дочери сына — красивой молодой женщины с улыбающимся младенцем на руках. Фотографиями улыбающихся детей, внуков и правнуков заставлены все полки.

Считается, что русские любят вспоминать, но не любят жить. А рядом со мной читает вслух свою книгу русский человек, который и жить любил и любит, и вспоминает об ушедших годах с любовью, хотя всякого хватало.

Славное, славное Бордо!

ПОСЛЕДНИЙ ПТЕРОДАКТИЛЬ

В советские времена фотолаборатории на предприятиях и в учебных заведениях часто устраивали в туалетах. Почему-то считалось, что их слишком много, а обустройство выходило недорогим. Вода подведена, есть слив, и затемнять помещение не надо, поскольку нет окон.

И эта действующая с первых послевоенных лет фотолаборатория размещена в длинной узкой комнате с торцевой стеной из мутных стеклопакетов, прикрытых чёрной упаковочной фотобумагой. С двух сторон тянутся полосы потерявшей цвет кафельной плитки. Над ней — оголившиеся красные кирпичи в белых прожилках известкового раствора. В нескольких оставшихся кабинках урчат холодильники с хранящимися в них фотоматериалами. Ряд простых кранов нависает над внушительной

бетонной ванной на месте давно забытых толчков. В ней когда-то привычно стояли лотки с проявителями и закрепителями, тоже полузабытыми. Впрочем, здесь и сейчас можно изготовить фотографии по старинке.

Лаборатория неспешно, но неустанно работает. В ней тесно от фототехники и бу- тафории на все случаи жизни. Для её заведующего, известного фотографа, она давно стала вторым домом, вся его профессиональная деятельность сосредоточена в этих уже музейных стенах.

Говорят, что лучший день для посадки дерева сегодняшний — деревья растут долго. Пожалуй, и лучший день для фотосъёмки сегодняшний, ведь завтра мир станет другим.

Вычитал, как в 20-е годы прошлого столетия фотограф работал с деревянным штативом и двумя деревянными кассетами с четырьмя стеклянными фотопластинками. Он неспешно ходил, ставил штатив, смотрел, шёл дальше. К вечеру делал всего четыре снимка, таская все эти тяжести. Сегодня такие фотографии на вес золота.

«А я размышляю над фотомонтажом о последнем птеродактиле на Земле, — рассказывает заведующий. — Его единственное оставшееся яйцо разбито — больше птеродактилей не будет! Потеря оплакивается всеми, кто рядом. Это созвучно мыслям о последних людях на Земле. Когда-то ещё такой момент наступит, а печаль на сердце уже сейчас».

В глазах мастера, повидавшего столько лиц, впитавших в себя столько чужих взглядов, светится неистребимое любопытство человека, с детских лет заворожённого чудом рождения образа на чистом листе бумаги.

Люди уходят, техника меняется, здания рушатся, когда-то наступит черёд и этой повидавшей виды фотолaborатории, но что-то остаётся нерушимым.

Что?

